

Ханьский император, одетый в бело-розовый халат, украшенный вышитыми цветами груши, с золотой короной на голове и гладкими чёрными волосами, ниспадавшими на спину, сидел под грушевым деревом, перелистывая книгу. Все наложницы, увидевшие эту сцену, не могли сдерживать волнения, их сердца бились как бешеные. Император считался первым красавцем Великой Хань, и даже несмотря на его холодный характер, когда он оставался у них ночевать, он лишь говорил о «Книге песен», обсуждал поэзию, а затем, устав, закрывал глаза для короткого отдыха, не позволяя им прикасаться к нему. Тем не менее наложницы всё равно стремились к нему. Они слышали, что госпожа Чжаои в Западном дворце тоже жила не лучше — император не трогал её и не разговаривал с ней, и, казалось, держал её там только по привычке.

Наложницы не могли понять сердца императора. Некоторые предполагали, что он, возможно, хотел последовать примеру одного из прежних правителей и встать на путь совершенствования. Его фигура выглядела легкой и свободной от мирских желаний, что вызывало у наложниц тревогу.

Императора постоянно беспокоили наложницы, проходившие мимо, и он приказал закрыть сад, разрешив вход только себе. Красавец, которого вернули в Ханьский дворец, провёл там почти год, и уже полгода находился в холодной войне со своим братом. Никто из них не говорил друг с другом, и его брат, казалось, был более терпеливым, чем он. Казалось, это состояние могло продлиться до конца их жизни.

Красавец чувствовал себя подавленным. В степи он тоже чувствовал себя подавленным, но мог хотя бы ездить верхом, гулять, а раньше даже драться. В Западном дворце он чувствовал себя ещё более запертым. Дворцовые стены были узкими, небо над головой казалось таким маленьким, он не мог ездить верхом, гулять, драться, и у него не было доверенных слуг. Все слуги в Западном дворце были глазами и ушами императора и подчинялись только ему.

Он мог только обнимать своего сына и часто читал книги. Он не понимал, как его брат мог выносить такую жизнь, день за днём, год за годом. Раньше брат был другим — он улыбался, в его глазах был свет, и когда он смотрел на него, в них было столько нежности, что казалось, она вот-вот перельётся. Вспоминая прошлое, красавец начал понимать императора. Жизнь во дворце была слишком тяжелой, это было как могила, которая заточала мысли, любовь и мечты, превращая людей в застывших, скучных и законопослушных. В детстве он не чувствовал этого, вероятно, потому что тогда брат не был императором, а он — повторно вышедшей замуж Чжаои.

Красавец смотрел на хорошую погоду за окном и с раздражением спросил слугу:

— Где император?

Слуга мельком взглянул на него и неуверенно ответил:

— Ваше высочество, император в императорском саду, но он сказал, что никому нельзя туда идти.

Красавец, который только собирался выйти прогуляться, снова погрузился в уныние. Вечером император вернулся раньше, так как днём не было государственных дел, и он весь день читал исторические записи, чувствуя усталость.

Император, приняв ванну, рано лёг спать, но красавец не мог уснуть. Его тело было горячим, вероятно, из-за весны, и оно давно не знало мужского прикосновения, жаждая его. Красавец смущался мастурбировать перед своим братом-императором, ворочаясь в постели. Полежав

немного в раздражении, он с досадой сел на кровати и увидел, что его брат спит в десяти шагах от него, кажется, очень крепко.

Красавец в гневе швырнул подушку на пол. Слуга, услышав шум, испуганно заглянул за занавеску и, увидев, что император спит спокойно, а беспокоится только Чжаои, с облегчением отвернулся, делая вид, что ничего не заметил.

В спальне было тихо, только ровное дыхание императора и стрекотание сверчка у окна. Красавец, услышав стрекотание, внезапно разозлился, подошёл к окну и швырнул чёрный глиняный горшок на пол. Этот звук напугал слугу и разбудил императора. Слуга дрожал от страха — этот сверчок был недавним сокровищем императора, которого он называл «Вечнопобеждающим генералом», и даже спать брал его с собой в спальню. Император, держа подушку, сидел на кровати и смотрел, как слуга ловит сверчка по всей спальне, а красавец продолжал крушить всё вокруг. Шум разбудил Суриле, которому было чуть больше года, и он громко плакал в своей колыбели.

Няня поспешила унести младшего сына Чжаои, чтобы избежать этой неожиданной беды. Император смотрел, как красавец почти разрушил всю спальню, а слуга, наконец, поймал сверчка среди осколков и с радостью защитил его в своих ладонях, сказав императору:

— Ваше величество, генерал в порядке, всё хорошо.

Император с беспокойством посмотрел на своего маленького сверчка, как на сына, и поспешно сказал:

— Быстрее положите его в горшок и накормите мясным пюре.

Слуга поспешно кивнул:

— Да! Да!

Красавец, видя, как все в комнате считают его никчёмным и игнорируют его, не смог сдержать накопившейся ненависти и внезапно, как безумный, бросился вперёд, выхватил у слуги горшок снова с пойманным сверчком и швырнул его на пол, сразу же раздавив выпрыгнувшего сверчка своей босой ногой.

Слуга оцепенел, с ужасом глядя на красавца, на раздавленного сверчка под его ногой, а затем снова на императора. Император, казалось, тоже не ожидал этого, с изумлением смотрел на своего брата, губы его дрожали, и, наконец, он выдал одно слово:

— Ты... ты...

Красавец, казалось, почувствовал себя победившим генералом, наконец заставившим его заговорить, и с вызовом смотрел на него. Лицо императора побледнело, он, казалось, не мог сдержать себя, в его глазах мелькнула жестокость, которая то появлялась, то исчезала.

Красавец продолжал смотреть на него с ненавистью, чувствуя огромное удовлетворение. Если бы сын брата был здесь, он, возможно, тоже раздавил бы его — он сходил с ума от давления брата. Император, бледный, смотрел на него, не говоря ни слова, затем перевернулся и лёг спиной к нему. Красавец тоже равнодушно вернулся на кровать, не обращая внимания на кровь, стекающую из пореза на ноге от осколков горшка.

Слуга, видя, что оба господина находятся в затишье перед бурей, молча убрал комнату,

очистив пол от осколков. Тело «Вечнопобеждающего генерала» было с почтением вынесено слугой и похоронено в земле, чтобы император в будущем не спрашивал о нём.

На следующий день император всё ещё отдыхал. Он рано утром встал и увидел, что красавец расчёсывает волосы перед зеркалом, украдкой посмотрел на него пару раз, а затем отправился в императорский сад.

В императорском саду было много цветов и бабочек, и император, раздражённый их порханием, не мог сосредоточиться на чтении. Его маленький сверчок умер, и слуга сказал, что он похоронен под пионовым деревом в саду. Император даже пошёл посмотреть на это место.

Вечером император в одиночестве поужинал и с колебаниями вернулся в спальню. В спальне никого не было, красавец, казалось, отправился в кабинет. Император, чувствуя беспокойство, тоже пошёл в кабинет, издали увидев, как красавец с радостью читает свиток. Император не стал его беспокоить и снова пошёл прогуляться в сад, где было темно, но чувствовался аромат цветущей груши.

Поздно ночью император, наконец, вернулся в спальню, где слуга сказал ему, что красавец уже спит. Император, тихо приняв ванну, вернулся и, затаив дыхание, собирался лечь в постель, как вдруг раздался громкий звук.

Красавец швырнул вазу к его ногам. Осколки вазы попали на императора, и он, не выдержав, обернулся и спросил:

— Что ты делаешь?

Красавец продолжал смотреть на него с ненавистью, сжимая руки так, что они чуть не кровоточили. Император смотрел на него некоторое время, затем, вне себя от гнева, подошёл и прижал его к кровати. Красавец с ненавистью бил его, но император не обращал внимания, на его лице появилось несколько кровавых царапин, он только старался снять с него штаны. Император тоже был в отчаянии, он так долго сдерживался, и теперь, когда брат сам навлёл на себя это, он не собирался быть мягким.

Они, казалось, вернулись к детской синхронности, дерясь и перекатываясь, они снова оказались вместе. Тело красавца было горячим, и, будучи грубо прижатым, он больше не думал, спеша расстегнуть свои штаны. Император тоже торопился снять свою одежду, они так долго не занимались этим, что оба жаждали этого. Как только штаны были сняты, они крепко обнялись, и император, не успев подготовить его, ввёл свой твёрдый член в его узкий проход. Красавец, почувствовав проникновение, с удовольствием застонал, чувствуя боль и приятное покалывание.

Слуга, услышав скрип кровати в комнате, тихо улыбнулся, прикрыв рот рукой. Господа всё так же нетерпеливы. На кровати красавец стонал, наконец получив желаемое, обнял ягодицы брата и торопил:

— Давай... быстрее... мм...